

М. Л. Соловьевъ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЗВАНІЕ
РОССІИ
КЪ СВАТОЙ ВѢЖѢ

Публичная лекція, читанная въ пользу Эстлянд-
ской Общины сестеръ милосердія Краснаго Креста
въ Ревель 25 ноября 1893 г.

ТОВОЛЬСКЪ

Губернская Типографія

1894.

Глубоко уважительному кругу С. М. Святковскому

М. Л. Соловьевъ

*на добрую память
отъ автора.*

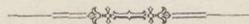
ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЗВАНІЕ

27. VI. 94

Смъ.

РОССІИ

ВЪ СВАТОЙ ЗЕМЛѢ.

Публичная лекція, читанная въ пользу Эстляндской Общи-
ны сестеръ милосердія Краснаго Креста въ Ревелѣ 25
ноября 1893 г.

ТОВОЛЬСКЪ

Губернская Типографія

1894.

Цензурою дозволено. Тобольскъ, 10 апрѣля 1894 г.

Оттискъ изъ 15—17 №№ „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1894 г.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЗВАНІЕ РОССИИ ВЪ СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

(Публичная лекція, читанная въ пользу Эстляндской Общины сестеръ милосердія Краснаго Креста въ Ревель, 25 ноября 1893 г.).

На долю нашего поколѣнія дано быть свидѣтелемъ и орудіемъ великаго историческаго переворота. Эпоха частныхъ и сословныхъ союзовъ и интересовъ, которыми принято характеризовать средніе вѣка и одряхлѣвшимъ остаткамъ которыхъ предоставлено вамъ нанести въ этомъ краѣ послѣдній ударъ, смѣнилась эпохой господства государственныхъ началъ и развитія государственныхъ организмовъ, въ основѣ которыхъ положенъ былъ противоположный принципъ общаго блага, обусловленнаго единовластіемъ. Объединеніе началось съ утвержденія второго формальнаго условія. На этой стадіи развитія явились типами священная Римская имперія Карла V, нынѣшнія Австрія, Турція, отчасти Англія. Формальное объединеніе содержало въ себѣ богатыя сѣмена дальнѣйшаго развитія, на немъ взлелѣяно единство культуры и цивилизаціи, какъ это полнѣе всего удалось во Франціи, а чувство кровнаго племенного родства возвысилось до сознанія національнаго, т. е. культурно-историческаго, единства. Государственный типъ человѣческаго общежитія, какъ предугазанный Провидѣніемъ, росъ, развивался и воспитывалъ человѣчество. Только въ государственной жизни люди приходятъ къ сознанію, что они, независимо отъ племенной связи, составляютъ живыя части одного цѣльнаго организма, а не случайно заброшенные въ него атомы; что, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь при условіи живого и сознательнаго участія отдѣльныхъ лицъ въ его жизни, онъ живетъ и процвѣтаетъ; что его достоинство, благосостояніе и сила

неотдѣлимы отъ личнаго блага его членовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ являются драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, передать которое непорученнымъ грядущему потомству составляетъ дѣло чести живущаго поколѣнія. Государство, какъ форма, перестало быть случайной совокупностью государевыхъ вотчинъ, территорія которой опредѣляется владѣнными документами, какъ доселѣ въ Австріи, но оживотворилось духомъ народности и стало живымъ тѣломъ, вмѣстилищемъ національнаго самосознанія. Важнѣйшимъ стимуломъ этого явленія въ новое время была французская революція. За трехцвѣтнымъ знаменемъ республики поднялась національная сила французскаго народа, отразившая нѣмцевъ и англичанъ; вторымъ фазисомъ было наполеоновское нашествіе на Германію, соединившее всѣ нѣмецкія племена въ общей ненависти къ побѣдителямъ; развиваясь далѣе, національный подъемъ создалъ единство Италіи и прекратилъ въ ней владычество Австріи и онъ же положилъ начало упраздненію тридцати трехъ отцовъ нѣмецкаго отечества. Теперь уже не дипломы, не трактаты, а болѣе духовное начало единства національныхъ идеаловъ и народной жизни, выросшей исторически, составляютъ единственную надежную основу государства. Нерушимо лишь то царство, гдѣ всѣ части крѣпко спаяны такимъ цементомъ, гдѣ окраины столь-же упруги, какъ и середина, и столь-же способны выдержать виѣшнее давленіе, а внутри себя переработать или выбросить вонъ тѣ случайные элементы, которые мѣшаютъ такому скрѣпленію.

Идеальныя начала русской жизни также выходятъ за предѣлы этнографическаго понятія. Они росли и крѣпли среди великихъ испытаній, орошались кровью, строились, вмѣстѣ съ Москвою, на костяхъ. Едва успѣлъ домъ св. Владиміра сложить въ систему русскія княжества, какъ нахлынули татары. Спасающей силой явилась церковь, пророчески предусмотрѣвшая зародышъ возрожденія въ Москвѣ, а Москва въ свою очередь тѣсно примкнула къ церкви. Среди глубочайшаго паденія зародился плодотворный неразрывный союзъ церкви, государей и народа, слившійся въ одну нераздѣльную силу, сокрушившую азіатскихъ завоевателей. Но церковь, поднявъ Россію, вывела ее изъ узкихъ

рамокъ народности, не дала этой послѣдней ожесточиться въ національномъ эгоизмѣ, пропитала ее своимъ вселенскимъ идеализмомъ и связала ее съ единовѣрными народами, научивъ жалѣть ихъ и помогать имъ, не взирая на разность языка и крови. Церковь ввела русскій народъ въ живую связь съ совокупностью христіанскихъ народовъ Востока. Паденіе восточной имперіи и одновременное усиленіе Москвы, сдѣлали русскую землю единственнымъ православнымъ царствомъ, притомъ государи котораго вступили въ родство съ послѣдними греческими царями. Взоры грековъ, славянъ, грузинъ обратились къ Россіи. Въ православномъ мірѣ стали молиться о низложеніи агарянъ и о восстановленіи благочестивыхъ царей. Москва стала третьимъ Римомъ. Политическій кругозоръ русскаго народа расширился далекой перспективой восточныхъ христіанскихъ странъ, несущихъ столь-же тяжелое иго, какъ и то, память о которомъ была свѣжа въ недавно освободившемся отъ него русскомъ народѣ и начавшемъ свою вѣковую и непримиримую борьбу съ мусульманами.

Образъ страждущаго христіанскаго востока, уясненный церковью, палъ на подготовленную почву. Неговоря уже о языческой эпохѣ, когда Русь торговала съ арабами не только въ устьяхъ Волги, но даже въ Багдадѣ и поддерживала непрерывныя связи съ Константинополемъ, съ первыхъ годовъ по крещеніи начинается непрерывающійся рядъ паломничествъ въ Святую Землю. Шли князья и княгини съ многочисленной свитой, шли внушительными ватагами эпископскіе калики-перехожіе, шли начитанные монахи, оставляя послѣ себя или краткіе дорожники для руководства другимъ, или такія прекрасныя и точныя описанія, какъ хоженье Данила игумена русской земли (1006 г.), по достоинству неимѣющее себѣ равнаго въ тогдашней западной паломнической литературѣ. Стремленіе въ Святую Землю не останавливалось ни трудностью пути по опустѣлой и разоренной южной Россіи, по морю, наполненному пиратами, по горамъ Кавказа и Арменіи, среди фанатическихъ мусульманъ и арабскихъ разбойниковъ. Все забывалось при видѣ Голгофы, Св. Гроба, Виолеема, Иордана-рѣчки; многіе шли дальше—въ богатый Египеть, видѣли

Александрію и великолѣпный Каиръ, познакомились съ коптами, достигали до божественнаго Синая и возвращались на родину, повѣствуя въ долгіе зимніе вечера въ курныхъ избахъ, занесенныхъ снѣгомъ, въ монастырскихъ страннопріимницахъ, въ боярскихъ и царскихъ палатахъ о святѣйшихъ патріархахъ, объ изумительныхъ подвижникахъ, о злыхъ бусурманахъ и чудесахъ Святой Земли и Св. Града. И Святая Русь жадно внимала имъ и проникалась сознаниемъ, что тамъ далеко, на знойномъ Востока, лежитъ столь-же родная душѣ ея земля, какъ и та, которую она вынесла на своихъ плечахъ.

Удивительны судьбы страны, влекущей къ себѣ всѣ христіанскія сердца. Узкая полоса земли между Средиземнымъ моремъ и быстро текущимъ бѣлымъ Иорданомъ, нынѣ безлѣсная, скалистая, слабо орошенная, но, вообще, чрезвычайно плодородная, составляетъ соединительную часть для Азіи, Африки и Европы и была издревле яблокомъ раздора между всѣми великими историческими народами. Ни одно міровое событіе не проходило мимо Палестины. Всѣ цивилизаціи пытались присвоить ее. На первобытный, многолюдный слой пещернаго населенія, памятники котораго подтверждаютъ библейское сказаніе объ исполинахъ-рефаимахъ, надвигается семитическое племя, финикіяне, занявъ побережье, и разносятъ восточную и египетскую культуру по бережьямъ Средиземнаго и Эгейскаго морей, по Иорданской долинѣ, среди хананейскихъ городскихъ поселеній, уже сложившихся въ мелкія царства; проходитъ изъ сѣверной Сиріи въ Египетъ пастушеское племя Авраама; съ юга поднимается сила египетскихъ завоевателей фараоновъ и обращаетъ туземныхъ царьковъ въ своихъ вассаловъ, но чрезъ три вѣка (около 1500 г.), племя Авраамова, ставшее многочисленнѣе песка морского, уходитъ съ тучныхъ пажитей Египта и, возродившись къ новой жизни въ сорокалѣтнемъ кочеваніи по каменистой Аравіи (Хеджасу), снова появляется изъ заіорданскихъ пустынь съ востока; сокрушая осѣдлыя племена Моава и Аммона, и вторгается въ обѣщанную ему свыше землю. Потоками разливаются эти пришельцы, иногда истребляя иноплеменниковъ, иногда сливаясь съ ними, или по договору оставляя нетронутыми внутри своихъ

завоеваній цѣлыя племена. Четыреста лѣтъ потребовалось для полнаго овладѣнія Палестиной и установленія того мирнаго быта, который яркими идиллическими чертами изображенъ въ поэтической книгѣ Руѳъ. Племенная жизнь преобразуется въ унитарную государственную и символомъ ея является единственный для всего Израиля Соломоновъ храмъ. Но избранный народъ долженъ былъ вкусить славы великихъ царей лишь для того, чтобы познать ея суету. Скрижали изъ камня обрѣли себѣ великолѣпное хранилище, чтобы тѣмъ нагляднѣе стало, что для завѣтовъ Божіихъ нужны сердца, а не камни. Миссія Израиля не была похожа на призваніе другихъ народовъ: имъ принадлежитъ внѣшнее могущество, пышное развитіе внѣшней культуры; ассиріяне, вавилоняне, персы, сирійскіе македоняне играютъ политической судьбой Израиля, разоряютъ даже его храмъ, уничтожаютъ каменные скрижали Моисея, но одни за другими сходятъ со сцены, побѣждаются одни другими, какъ бы уча Израиля, что не въ силѣ Господь. Ни одному изъ могучихъ народовъ, окружающихъ Израиля, не дано было обѣтованія будущей славы. Золотой вѣкъ у всѣхъ нихъ былъ позади. Несмотря на могущество свое, всѣ они, по своимъ религіознымъ ученіямъ были пессимисты, всѣ были убѣждены, что міровая жизнь идетъ къ ухудшенію отъ золотого вѣка къ серебряному, бронзовому и отъ него — къ желѣзному, которому принадлежитъ послѣдній переживаемый періодъ. Одному Израилю была указана свѣтлая будущность и грядущее славное царство Мессіи. Однако ни крушеніе великихъ монархій Востока, ни символическій смыслъ собственной исторіи, какъ исторіи народа-странника и пришельца на землѣ, ни голосъ пророковъ, требовавшій безусловнаго довѣрія къ любви Божіей не могли остановить Израиля отъ увлеченія матеріальными благами жизни. Званыхъ было много, но мало избранниковъ оказалось въ Израилѣ. Въ своемъ богопочтеніи онъ сосредоточился на внѣшнемъ обрядѣ жертвъ и куреній, воспитательную дисциплину Моисеева закона онъ принялъ за норму, живя въ которой не нужно совершенствованія за предѣлами буквъ, въ области духа; этотъ, руководящій законъ былъ принятъ имъ какъ стѣна, уединяющая потомство Авраама

отъ всѣхъ другихъ народовъ Миражъ матеріальной силы заслонилъ предъ его очами идеальный порядокъ міра; обѣтованія получили смыслъ будущаго порабощенія всѣхъ на служеніе Израилю на землѣ. Тщетно возставали пророки противъ рокового заблужденія: Израиль не слушалъ, гналъ и избивалъ ихъ. А когда Господь послалъ Своего Сына въ виноградникъ свой, виноградари убили его.

Обѣтованіе исполнилось. Яко тать въ нощи, явился Искупитель на землю, но простосердечные и неученые простецы, виедемскіе пастухи, удостоились впервые узнать въ Младенцѣ обѣтованнаго Мессію. Не іудейскимъ ревнителямъ, забывшимъ Бога ради народа, а далекимъ мудрецамъ Востока открытъ былъ грядущій міровой переворотъ. Такіе же простецы были призваны возвѣстить новое слово всему міру, и весь міръ внялъ имъ, кромѣ Іудеи. Такимъ же иноплеменнымъ мудрецамъ дано было возвести на основаніи этого слова новое зданіе человѣческаго вѣдѣнія.

Вѣра, терпѣніе и надежда покинули Израиля. Начался рядъ самозванцевъ, предпринявшихъ силой создать на землѣ царство Божіе, которое должно установиться прежде внутрь насъ. За эти заблужденія не замедлило явиться наказаніе. Виноградникъ былъ отнятъ у невѣрныхъ виноградарей. Пало святилище, разгромлена была Обѣтованная земля, народъ былъ разсѣянъ, навсегда лишень отечества и въ усугубленіе кары осужденъ на вѣчное скитаніе по землѣ, не теряя своего облика, не сливаясь съ другими народами, чуждый и враждебный имъ, невидящій открытыхъ вратъ спасенія. Образъ Агасера отразилъ въ чуткой фантазіи христіанскихъ народовъ всю послѣдующую судьбу Израиля.

Самый Іерусалимъ исчезаетъ изъ исторіи слишкомъ на два вѣка. На развалинахъ его возникаетъ скромная Элія Капитолина. Побѣдители язычники сдѣлали все, чтобы изгладились въ странѣ слѣды іудеевъ и христіанъ. Имъ запрещено было селиться въ новомъ городѣ. Память о воскресшемъ Мессіи пытались подмѣнить культомъ воскресшаго Адониса, а скорбящую Богоматерь — скорбящей Венерой Астартой. Ихъ истуканы появились на Голгофѣ и Св. Гробѣ, но эти обветшалыя заблужденія только прочнѣе охра-

нили память о св. мѣстахъ христіанства. Языческія капища указали чрезъ двѣсти лѣтъ св. Еленѣ мѣста, прославленныя рождествомъ Спасителя и Его искупительной жертвой, и на нихъ явились первыя великолѣпныя святилища, неимѣвшія себѣ равныхъ въ христіанскомъ мірѣ.

Святая Елена была первой паломницей по Св. Землѣ. Окруженная ученымъ духовенствомъ и художниками, она прошла всѣ мѣста, ознаменованныя евангельскими событіями, изслѣдуя мѣстныя преданія, и увѣковѣчила главнѣйшія историческія мѣстности 26 храмами. Великолѣпныя базилики окружили Голгофу, Св. Гробъ и Пещеру Рождества Христова; Вифлеемская до сихъ поръ стоитъ незабываемымъ памятникомъ ея зодчества. Съ тѣхъ поръ длинный, непрерывный потокъ поклонниковъ не прекращается. Въ продолженіи почти трехъ вѣковъ безчисленныя церкви отъ подошвы Ливана до южной границы Эіюіи оглашаются славословіемъ Христу. Іерусалимъ сохранилъ греко-римскій характеръ Эліи Капитолины. Въ IV вѣкѣ паломница Сильвія отмѣчаетъ, что богослуженіе въ Константиновой базиликѣ совершается на греческомъ языкѣ, но при этомъ переводится на сирскій языкъ для туземцевъ.

Послѣднее указаніе имѣетъ огромное значеніе. Передовая, руководящая роль въ церкви принадлежала по справедливости грекамъ, на языкѣ которыхъ изложено священное писаніе новаго завета и составлены были первыя литургіи (св. Іакова, ап. Марка), но въ отличіе отъ греко-римской культуры христіанство не требовало отъ крещаемыхъ отреченія отъ своей народности. Сирійцы и египтяне, прославленные множествомъ мучениковъ за Христа, принявъ новое ученіе съ беззаветной преданностью, не обезличились, не эллинизовались, но сохранили свою народность и очень скоро перевели писаніе и литургію на свои языки. Отмѣтимъ, мимоходомъ, любопытный фактъ. Въ настоящее время въ Египтѣ открывается много древнихъ папирусовъ и пергаментовъ—мѣстнаго египетскаго происхожденія, и ни одинъ изъ нихъ еще не далъ ни строчки перевода на коптскій языкъ древне-греческихъ языческихъ писателей, тогда какъ многіе важные памятники христіанской письменности уцѣлѣли только въ переводахъ на коптскій, армен-

скій, сирскій и эѳіопскій языки. Сирійцы и египтяне дѣлались христіанами, сохраняя свою національность; мало того—христіанство уравнивало ихъ съ греками, которые должны были признать, что въ царствѣ Христовомъ нѣтъ ни эллиновъ, ни іудеевъ. Но этому духовному братству не соотвѣтствовалъ античный государственный строй, преисполненный эгоистическими традиціями Греціи и Рима. Со временъ Александра Востокъ подвергался безпощадной эллинизациі. Греческія общины, македонскія и римскія колоніи давили страну своими привилегіями, а испорченная администрація выжимала изъ нея послѣдніе соки. Судя по надписямъ, весь римскій или византійскій Востокъ былъ греческимъ. На самомъ дѣлѣ туземное населеніе, обладавши своей древней и высокой культурой, не поддавалось эллинизму и съ нетерпѣніемъ подчинялось греческому господству. Національная рознь проявилась ранѣе всего въ дѣлахъ церковныхъ. Ереси возникали главнымъ образомъ въ Сиріи и Египтѣ, причемъ мѣстное населеніе тотчасъ вставало массой за своихъ соплеменниковъ, хотя бы они шли и противъ вселенскаго ученія. Конечно, отъ массы невозможно было требовать и ожидать, чтобы она вполне отчетливо понимала трудные и тонкіе богословскіе вопросы. Результатомъ этихъ богословскихъ движеній было, однако, отпаденіе отъ церкви Египта, Сиріи и Месопотаміи и отчужденіе почтенной церкви Арменской. Образовались гонимыя церкви съ особыми патріархами въ Сиріи и Египтѣ. Въ Палестинѣ такого раздѣленія не было, хотя въ разномыслящихъ не было недостатка даже среди многочисленнаго монашества. Раздѣленіе церквей губительно отразилось на государствѣ. Въ 636 году у Византіи, истощенной войнами съ Персіей, хотя и окончившей ихъ рѣшительной побѣдой, появляется неожиданно съ юга новый врагъ—мусульмане. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Византія безвозвратно потеряла всю Сирію съ Дамаскомъ и Іерусалимомъ. Но арабы обязаны были своимъ успѣхомъ поддержкѣ мѣстнаго населенія. Въ то время, какъ наприм., въ Дамаскѣ византійскій гарнизонъ отражалъ приступъ съ одной стороны, жители открывали арабамъ городскія ворота съ другой, и такъ было не въ одномъ Дамаскѣ. Мусульманъ призвали въ Египетъ христіане-коп-

ты; только съ ихъ помощію арабы выгнали византійское войско, а за нимъ бѣжало и греческое духовенство.

Измѣняя законному правительству, сирійцы и копты заручались обѣщаніями арабовъ о полной вѣротерпимости и безопасности личной и имущественной, но жестоко ошиблись. Церковная неприкосновенность оказалась обманомъ. Храмъ Гроба Господня остался во власти православныхъ, но великолѣпные храмы св. Елены на г. Моріа, надъ гробницами Богоотецъ Іоакима и Анны, на Елеонской горѣ, базилика св. Іоанна Предтечи въ Дамаскѣ и множество другихъ были обращены въ мечети; обители запустѣли, обновленіе обветшавшихъ церквей запрещалось, и они обращались въ развалины. Почти всѣ мечети на Востокѣ были нѣкогда христіанскими храмами. Подъ владычествомъ римскихъ законовъ всѣ подданные императора были юридически равноправны. Власть халифа не могла стереть преграду между мусульманами и невѣрными. Только первые пользовались полнотою гражданскихъ правъ. Полудикія орды саракиновъ наводняли Сирію, грабили и полонили христіанъ. Населеніе многочисленныхъ городовъ рѣдѣло и таяло, убѣгая отъ насилій, обуздаты которыя халифъ былъ не въ состояніи. Греческіе колонисты, поселившіеся въ Сиріи въ македонскую эпоху, покидали города, которые вновь принимали симитическую фizioномію и свои старыя имена: Берея опять стала Далепомъ, Птолемида -- Аккой, Скиѳополь — Бейсякомъ и т. п. Намѣсто грековъ являлись мусульмане и вносили иной духъ въ эти нѣкогда мирныя и богатыя средоточія восточной промышленности и торговли. Знаменитые финикійскіе города сирійскаго поморья обратились въ непрерывный рядъ притоновъ для морскихъ разбойниковъ. Безопасность нѣкогда спокойныхъ морскихъ путей на всемъ Средиземномъ и Эгейскомъ моряхъ прекратилась. Внутри страны христіанскій народъ, угнетаемый фанатическими мусульманами, совращался массами въ исламъ, видя въ немъ одномъ спасеніе отъ рабства и разоренія. Одновременно съ этимъ приливъ арабовъ, которые лучше грековъ умѣли ассимилировать единовѣрныхъ съ ними туземцевъ и сами были податливѣе на сліянiе съ ними, произвелъ крупный переворотъ въ племенномъ составѣ на-

селенія, которое, принимая исламъ, проникалось арабскимъ духомъ. Арабизація коснулась и уцѣлѣвшихъ христіанъ. Литургическимъ и священнымъ языкомъ становился арабскій. Нѣкогда богатая сирская литература вымирала вмѣстѣ съ языкомъ, который былъ замѣненъ арабскимъ и во всѣхъ публичныхъ и юридическихъ сдѣлкахъ сначала въ Сиріи, а въ X вѣкѣ и въ Египтѣ, гдѣ стойкіе копты дольше сирійцевъ сберегали религію и національность.

Арабскіе правители, воспользовавшись національною распреей между сирійцами, коптами и греками, приняли мѣры къ поддержанію ея. Въ православной церкви Іерусалимской начался рядъ патріарховъ туземнаго происхожденія, изъ подданныхъ халифа. Около древнихъ святочитимыхъ мѣстъ геройски держались слабые остатки христіанскаго населенія, терпя смерть и преслѣдованія, но не измѣняя крестному знамени. Іерусалимъ, Назареть, Вилеємъ, лавра с. Саввы, Синайскій монастырь сдѣлались твердынями православной церкви на Востокѣ. Даже въ Антіохіи и Александріи политическій расчетъ заставилъ халифовъ вновь допустить православныхъ патріарховъ ради противовѣса яковитамъ-сирійцамъ, несторіанамъ и разнымъ одичалымъ сектамъ. Еретическіе патріархи, именуясь антіохійскими и александрійскими, должны были избрать для своего пребыванія Каиръ, Дамаскъ или Діарбескирь. Повторилось отчасти то, что происходило въ эпоху арианской ереси. Монофизиты-несторіане и моноелиты-яковиты оказались на Востокѣ въ численномъ перевѣсѣ и съ помощью арабовъ испровергли власть православныхъ царей, но ихъ торжество было гибелью для нихъ самихъ. Посѣянное врагомъ сѣмя дало въ жатву плевелы. Народъ, вставшій за неправое церковное дѣло, былъ лишень и самой вѣры во Христа, неправое исповѣдуемаго. Оружіе, которое ересіархи сковали для мірскихъ цѣлей изъ религіи, обратилось противъ нихъ, ибо щитъ религіи сдѣлался при арабахъ символомъ фактическаго безправія и поработченія.

Такимъ образомъ, мусульманскій потопъ покрылъ всю христіанскую Сирію и Египетъ, уничтожилъ христіанскую Нубію и остановился у подножія гранитныхъ твердынь Абиссиніи. Девять десятыхъ народонаселенія совратились въ исламъ и утратили свою

народность. Тѣмъ сильнѣе сплотились неизмѣнившіе правой вѣрѣ своихъ отцовъ. Для мусульманъ они были не только людьми иной вѣры, но и другой національности, не только церковью, но и народомъ, особой политической организаціей съ отдѣльными обязанностями и нѣкоторыми правами. Подъ гнетомъ мусульманства, христіанскія церкви проявили замѣчательную жизненную упругость.

Образовались тѣсно сплоченныя группы единовѣрцевъ, для которыхъ связующимъ элементомъ стала религія; православіе и народность слились въ одно цѣльное представленіе, настолько цѣльное, что сама мусульманская власть понимается какъ преходящее бѣдствіе, и до послѣдняго времени всѣ церкви Востока въ своихъ литургіяхъ молятся за благочестивыхъ царей, хотя такихъ не имѣютъ.

Преобладаніе религіознаго элемента въ мусульманскихъ государствахъ даетъ Востоку оригинальный характеръ, который оцѣненъ неполнѣ. Восточный человѣкъ не въ состояніи повяты нашу скептическую вѣротерпимость, которая образовалась на фундаментѣ набожнаго римскаго политеизма, признававшаго искренно всяческихъ боговъ. Такая толерантность, еще болѣе—гражданское уравненіе съ господствующей народностью лицъ, отвергающихъ религію этой послѣдней, представляется слабостью и самой государственной власти сообщаетъ характеръ временный, преходящій и непрочный. Не видя внѣшняго торжества государственной религіи, русскій, англійскій, французскій мусульманинъ продолжаетъ обращать свои взоры на халифа, тянетъ къ Стамбулу и Меккѣ. Онъ безъ колебанія обращалъ въ мечети лучшіе христіанскіе храмы и столь же роковой неизбѣжностью призналъ обращеніе въ христіанскую церковь мечетей Гранады и Кордовы, какъ призналъ бы то же самое и въ Самаркандѣ. Тѣснѣйшая, внутренняя, органическая связь религіи и государства составляетъ краеугольный камень восточнаго міросозерцанія, выработанный всей исторіей и крѣпко сопротивляющійся новѣйшимъ теоріямъ, выдвигающимъ на первый планъ атомистическую автономію личностей, живущихъ подъ внѣшней охраной полиціи, суда и войска.

Послѣдовательное проведеніе принципа религіознаго раздро-

было Востоку на національно-церковныя группы, среди которых мусульманская, огражденная въ своей неприкосновенности государственной властью, является господствующею и въ господствѣ видить доказательство истины своего исповѣданія. Тотъ же принципъ выдвинулъ на сцену подавленные, но живучія, хотя разьединенныя группы восточныхъ христіанъ. Этотъ жизненный принципъ придаетъ необыкновенную устойчивость восточному міру, ограждая его отъ быстрыхъ переменъ, отъ той жизни подъ „высокимъ давленіемъ“, которою живетъ Западъ. Не территориальные вопросы, изъ-за которыхъ льются потоки крови на Западѣ, а борьба религиозныхъ идей опредѣляетъ жизненныя движенія Востока. Среди мусульманскаго государства и среди христіанскихъ имперій Россіи и Англіи продолжаютъ жить немаловажныя группы, принципиально отрицающія иновѣрное правительство и всегда готовые сдѣлаться точкой опоры для враговъ государства, съ ними единовѣрныхъ. Турція на христіанъ, Россія на мусульманъ могутъ рассчитывать единственно въ борьбѣ съ Западомъ. Отсюда понятно политическое значеніе восточнаго христіанства. Къ существующимъ группамъ несторіанъ, яковитовъ, армянъ и православныхъ во время крестовыхъ походовъ двинулась на Востокъ новая группа—латиняны, ставшая также во враждебныя отношенія къ остальнымъ христіанамъ. Латинское завоеваніе сопровождалось учрежденіемъ латинскихъ епархій, насильственнымъ подчиненіемъ мѣстныхъ христіанъ пришлому западному духовенству, возбуждавшимъ протесты даже тогдашнихъ западныхъ лѣтописцевъ, захватомъ св. мѣсть. Православный патріархъ не могъ даже отправлять Богослуженія на Св. Гробѣ и лишь тайкомъ, въ толпѣ пилигримовъ, успѣвалъ поклониться христіанской святынѣ. Изъ всѣхъ церквей Востока одни ливанскіе христіане—марониты, устоявшіе въ вѣрѣ, при арабахъ, подчинились римской церкви и составили единственную туземную церковь, признавшую главенство папъ. Надежды на крестоносцевъ, вызванныя жестокими гоненіями на христіанъ въ X и XI вѣкѣ, однако, не оправдались, какъ и прежде—надежды на арабовъ. Крестоносцы и латиняне должны были оставить Священную Землю, туземцы которой предпочли имъ воз-

вращеніе мусульманскихъ властителей и помогли послѣднимъ противъ западныхъ христіанъ. Все-таки въ Іерусалимѣ осталось нѣсколько западныхъ христіанъ, на помощь которымъ явились францисканцы, взявшіе на себя охрану участія западныхъ христіанъ во владѣніи св. мѣстами. Однако не одни споры за святые мѣста были поводомъ враждебности туземцевъ къ пришлымъ западнымъ христіанамъ. Латинство представляло собой принципъ, искони ненавистный восточному христіанству. Послѣднее возросло на соборномъ началѣ, на совмѣстной силѣ устнаго семитическаго преданія первородной апостольской церкви и греческаго писанія. Латинство являлось въ исторіи младшимъ членомъ церкви; его притязанія уравнивались съ избыткомъ священнымъ значеніемъ Іерусалима, апостольскимъ значеніемъ первой христіанской церкви Антиохійской, догматической славой Александріи. Противъ этого Римъ могъ выставить отъ себя только политическое значеніе столицы міра, но и оно парализовалось новымъ Римомъ—Константинополемъ, а государственныя благодѣянія Востоку, доставленныя Римомъ, старымъ и новымъ, были настолько недостаточны, что въ концѣ концовъ вызвали пассивное отпаденіе Востока къ мусульманамъ. Христіанство Запада явилось подъ знаменемъ шаткаго полновластія надъ церковью, съ требованіемъ безусловнаго послушанія не церковному закону, а человѣку, превозносимому надъ закономъ на подобіе Божества въ силу непогрѣшимости, т. е. безгрѣшности, которую Востокъ призналъ единожды на землѣ: во Іисусѣ Христѣ. Языческій Римъ выслалъ на Востокъ побѣдоносныя легіоны, Востокъ вытерпѣлъ ихъ владычество и дождался все-таки времени, когда они ушли; Римъ христіанскій послалъ на Востокъ свои догматическія и церковныя ученія; но ихъ постигла та же участь. Личный принципъ былъ отрицаніемъ всего національно-церковнаго строя восточной жизни. Латинство только внѣшними средствами, прельщая политическимъ покровительствомъ и матеріальной помощью, могло пустить нѣкоторые корни въ туземномъ христіанскомъ населеніи, но на самомъ дѣлѣ осталось чуждымъ растеніемъ въ Святой Землѣ такъ же, какъ и на всемъ Востокѣ.

Три столѣтія, протекшія со времени окончательнаго уничтоженія Іерусалимскаго королевства (1285 г.) до завоеванія Сиріи и Египта турками (1517 г.), представляютъ самую темную и безотрадную страницу Святой Земли. Междоусобія между арабскими эмирами ложились тяжкимъ бременемъ на христіанъ. Доступъ къ Святому Гробу почти прекратился. Обнищавшіе арабы-патріархи служили Богу подъ страхомъ ежечасныхъ оскорбленій и смерти, въ полотняныхъ ризахъ, съ желѣзными сосудами. По произволу египетскихъ султановъ, святыя мѣста переходили къ грузинамъ, эіопамъ, коптамъ, грекамъ, армянамъ. Вѣчные враги христіанства, евреи пользовались всякимъ случаемъ возстановить мусульманъ противъ христіанъ. По ихъ наущенію, разрушился храмъ Вознесенія на Елеонской горѣ, и была отнята горница Тайной Вечери у францисканцевъ. Всѣ усилія горети православныхъ были сосредоточены на охранѣ св. мѣстъ отъ непрерывныхъ посягательствъ со всѣхъ сторонъ. Іерусалимская церковь, вѣрная православію, стояла въ сторонѣ отъ безуспѣшныхъ переговоровъ Рима съ Константинополемъ о соединеніи церквей, и только послѣ взятія Константинополя турками приняла участіе въ соборѣ 1483 г., которымъ окончательно восточныя церкви признали недѣйствительность для Востока постановленій Флорентійскаго собора. Здѣсь позволю себѣ напомнить, что упомянутый Константинопольскій соборъ имѣетъ для насъ и всего Востока особливо важное значеніе. Когда говорятъ о несостоявшейся флорентійской уніи, чаще всего выставляютъ дѣятельность Марка Эфесскаго и протестъ трехъ восточныхъ патріарховъ противъ состоявшейся формально уніи; однако, до самаго конца Византійской имперіи высшее греческое духовенство и правительство находились въ неопредѣленномъ и нерѣшительномъ положеніи, ни окончательно присоединяясь къ ней, ни отвергая ее. Противъ флорентійскаго соборнаго постановленія, въ коемъ принимали участіе іерархи всего Востока, необходимо было выставить равносильный церковный актъ. Такой соборъ состоялся не ранѣе 1483—1484 годовъ, при вселенскихъ патріархахъ Максимѣ II и Максимѣ III въ Константинополѣ, при участіи представителей трехъ восточныхъ патріарховъ. Латинскіе писатели, осо-

бенно въ популярныхъ періодическихъ изданіяхъ, умалчиваютъ объ этомъ соборѣ и, особенно въ бесѣдахъ, указываютъ, что флорентійская унія, принятая соборомъ іерарховъ восточныхъ и западныхъ церквей, составляетъ канонъ, обязательный для всѣхъ восточныхъ христіанъ.

Турецкое завоеваніе свинцовымъ гнетомъ придавило арабское безначаліе и усобицы, не облегчивъ положенія христіанскихъ церквей Востока; тѣмъ не менѣе оно имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для восточныхъ церквей и, въ частности, для Святой Земли. Во-первыхъ оно облегчило сношенія между восточными патріархами, которые, при арабскихъ властителяхъ, враждовавшихъ между собою, представлялись подозрительными и всячески затруднялись. Думая найти на Западѣ опору противъ турокъ, египетскіе султаны были не прочь оказывать поддержку унитарнымъ стремленіямъ Рима. Съ установленіемъ мусульманскаго едиводержавія, объединился и православный Востокъ, при чемъ константинопольскій патріархъ пріобрѣлъ небывалое дотолѣ значеніе, какъ церковный и гражданскій глава многочисленныхъ православныхъ подданныхъ султана въ Европѣ и Малой Азіи. Во-вторыхъ, благодаря такому положенію вселенскаго патріарха, Антиохійская и Александрійская патріархіи подверглись безусловному греческому вліянію. Негласно или открыто мѣстнымъ уроженцамъ былъ прекращенъ доступъ къ занятію патріаршихъ и архіерейскихъ престоловъ. Іерусалимскіе патріархи не только принимали посвященіе въ Константинополѣ, но большая часть ихъ безвыходно пребывала тамъ, иногда ни разу не посѣтивъ своей паствы и управляя церковью чрезъ намѣстниковъ. Для надзора за этими послѣдними посылались разныя духовныя лица изъ монаховъ, которые уже въ концѣ XVI вѣка сплотились въ братство, стяжавшее извѣстность подъ именемъ Святогробскаго. Это братство представляетъ оригинальное явленіе въ нашей церкви. Оно не составляетъ монастырской общины, не имѣетъ устава, игумена, общежитія. Въ средѣ его находятся архіереи, могутъ быть даже свѣтскія лица. Оно обновляется новыми членами исключительно изъ европейскихъ грековъ, а изъ него выходятъ всѣ архіереи Іерусалимской и Александрійской церквей и

почти всѣ антиохійскіе патріархи. Вслѣдствіе этого оно является значительной силой для поддержанія важности греческаго племени въ глазахъ турецкаго правительства и главной опорой для притязаній грековъ на господство въ христіанскомъ населеніи Востока. Не только въ глазахъ турокъ, но даже и западныхъ народовъ, долгое время даже въ глазахъ Россіи, православіе на Востоцѣ представлялось исключительно греческимъ. Православные туземцы, героически отстоявшіе православіе и святыя мѣста въ самую тяжкую эпоху мусульманскихъ гоненій, оставались въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Благодаря усердію иноземныхъ православныхъ, грузинъ, румынъ, славянъ, іерусалимская патріархія была богатѣйшею среди всѣхъ восточныхъ патріархій, но обширные доходы ея уходили на вышнія „нужды патріархія“, а между тѣмъ приходскія церкви до послѣдняго времени оставались и остаются въ невѣроятно жалкомъ видѣ, сельское арабское духовенство не имѣетъ ни одного подготовительнаго духовнаго училища, о народномъ образованіи, больницахъ, богадѣльняхъ до послѣдняго времени не было и помина. Арабская литургія, замѣнившая мало-по-малу древнія литургіи греческую, сирскую и коптскую, была столь же чужда Святогробскому братству, какъ невразумительна была греческая для палестинскихъ туземцевъ-феллаховъ. При распаденіи церкви на греческій клиръ и арабскую паству открывался широкій просторъ для совращенія послѣдней не только въ другія исповѣданія, но даже и въ мусульманство. Первородная церковь Сіонская таяла и готова была обратиться въ греческую монашескую миссію при святыхъ мѣстахъ, на подобіе армянской, для принятія поклонниковъ и пожертвованій. Святыя мѣста оберегались отъ покушеній инославныхъ церквей для поклоненія иноземныхъ православныхъ паломниковъ, но палестинская православная церковь находилась въ бѣдственномъ положеніи, вслѣдствіе небреженія ея представителей. Третьимъ послѣдствіемъ турецкаго завоеванія было соединеніе всего Востока подъ одной государственной властью, другими словами — возстановленіе имперіи Юстиніана почти въ полномъ объемѣ. Христіанскій Востокъ былъ крѣпко огражденъ отъ франковъ и папы. Не нужно было болѣе опасаться принудительнаго

подчиненія римскому епископу. Имперія язычниковъ-гонителей возродилась, но вмѣстѣ съ этимъ сильнѣе воскресло воспоминаніе о неизбѣжномъ паденіи гонителей и о благовѣрныхъ царяхъ. Даже у отлученныхъ отъ вселенскаго православія сиріянъ и коптовъ не прекращаются доселѣ литургическія молитвы о православномъ царѣ. Взоры восточныхъ христіанъ никогда не переставали искать правовѣрующаго защитника церкви. Съ паденіемъ главной православной державы, Византійской имперіи, неумирающія упованія обратились на Сѣверъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ борьба Россіи съ мусульманами передвинулась въ южныя степи, Россія вошла въ столкновеніе съ Турціей, и эти отношенія тотчасъ приняли сложный и острый характеръ. Они не исчерпывались борьбой за политическую независимость, какъ у Венгріи и Польши. Бракъ Іоанна III съ наслѣдницей Палеологовъ, церковныя отношенія къ константинопольскому патріарху, рассказы паломниковъ о бѣдствіяхъ единовѣрцевъ и повѣствованія южныхъ славянъ и грековъ объ угнетеніи и разореніи христіанства создали крѣпкую юридическую духовную связь Россіи съ православнымъ Востокомъ, вошли въ народное сознаніе, обратили борьбу съ мусульманами въ національное дѣло и вызвали непримиримый трехсотлѣтній поединокъ Россіи съ Турціей, прерываемый только перемиріями. По пути, обильно орошаемому кровью, шагъ за шагомъ Россія, расширяя круговую линію, подвигается къ Черному морю, къ Дунаю, переходитъ за Кавказъ, становится на водораздѣлѣ Аракса и Тигра съ Ефратомъ, въ двухъ недѣляхъ паломническаго пути къ Сирійскому морю, и требуетъ себѣ Дарданеллы—ключъ не только отъ Чернаго, но и отъ Средиземнаго моря, омывающаго священный берегъ Палестины. Это движеніе носитъ принудительный, роковой характеръ, совершаясь даже противъ воли правителей, наперекоръ политическимъ программамъ, превозмогая расчетъ и препятствія. Завѣщаніе Петра Великаго, выдуманное на Западѣ, на самомъ дѣлѣ, свидѣтельствуя о вѣрномъ политическомъ инстинктѣ западныхъ народовъ, коренится въ завѣтныхъ, религіозно историческихъ чаяніяхъ русскаго народа и задолго до Петра высказано было въ смѣломъ положеніи, что

„Москва — третій Римъ, а четвертому не быть“ и, въ согласіи съ народомъ, церковь русская съ XV вѣка молить Пресвятую Дѣву о разореніи царства агарянскаго и о возстановленіи благочестивыхъ царей, права которыхъ унаслѣдовалъ московскій государь. Ни одинъ народъ не связанъ съ Востокомъ столь многочисленными и разнообразными отношеніями, какъ наша Русь. Не нуждаясь въ его естественныхъ богатствахъ, народная душа жаждетъ вѣры и ея отечества—Иерусалима. На Западѣ подъ завѣщаніемъ Петра Великаго разумѣютъ завоеваніе Константинополя, но въ этомъ ожидаемомъ событіи заключается цѣлый историческій переворотъ въ судьбахъ Востока. Востокъ не можетъ раздробиться. Это было бы противно его исторической природѣ. Турецкая имперія не можетъ уничтожиться, не вызвавъ себѣ на смѣну столь же единой и цѣльной восточной христіанской имперіи.

Историческая миссія привела Россію къ воротамъ Константинополя и къ райскимъ рѣкамъ Месопотаміи. Та же сила наперекоръ дипломатической системѣ, поставила ее въ непосредственныя отношенія къ Палестинѣ и Иерусалиму. Если въ Константинополѣ лежитъ политическій центръ восточныхъ дѣлъ, откуда дается толчокъ и движеніе административнымъ органамъ, управляющимъ восточными народами, то Иерусалимъ составляетъ средоточіе другихъ силъ, имѣющихъ несравненно болѣе важное значеніе. Издревле этотъ городъ былъ и остался религіознымъ центромъ всего Востока. Какъ во дни Пятидесятницы собирались туда паряне, эламиты, мидяне, потійцы, критяне, египтяне и эіопы, такъ и нынѣ христіанское населеніе этихъ странъ тяготеетъ къ Св. Гробу, и христіанскій городъ получилъ священное значеніе даже у мусульманъ, наравнѣ съ Меккой—родиной Магомета, Мединой—его могилой, ибо изъ Иерусалима, со священной скалы орны Іевуссея, по мусульманской легендѣ, Магометъ совершилъ свое восхожденіе на небеса. Около Гроба Господня разноплеменные христіане утвердились прочными колоніями въ видѣ религіозныхъ учреждений для охраны своихъ правъ на участіе во владѣніи святыми мѣстами. Здѣсь христіане Востока познакомились съ русскими паломниками, которые сотнями и тысячами посѣщаютъ святыя мѣста, а

черезъ нихъ и съ Россіей, которая, поэтому, стала имъ извѣстна не только съ политической стороны, но и какъ народъ, столь же христіанскій и пубожный, какъ они сами. Сирійскіе и африканскіе христіане, враждующіе съ греками, не имѣли никакихъ счетовъ съ русскими, принадлежность которыхъ къ восточной церкви, восточный порядокъ и одинаковое отчужденіе отъ западныхъ церквей создавали, напротивъ, общую почву для взаимнаго доброжелательства и примиренія.

Съ другой стороны русское правительство въ силу традиціи исполнѣ полагалось на грековъ, на греческую іерархію въ охраненіи и защитѣ православія въ Св. Землѣ и на Востокѣ вообще. Изъ Россіи шла щедрая милостыня въ эпоху тяжкихъ угнетеній отъ мусульманъ; Россія взяла на себя защиту православныхъ послѣ екатерининскихъ побѣдъ; Россія явилась единственнымъ источникомъ доходовъ на содержаніе іерусалимской церкви послѣ того, какъ восточныя церкви потеряли свои имѣнія въ Румыніи. Приношенія поклонниковъ и бессарабскія земли остались единственнымъ ресурсомъ для іерусалимской патріархіи. Россія исполнѣ довѣряла греческому духовенству и для охраны даже своихъ странниковъ не считала необходимымъ имѣть въ Іерусалимѣ консула. Искушенные въ долговременой борьбѣ съ исламомъ греки считались исполнѣ надежными защитниками православной церкви, въ которой сосредоточилась ихъ духовная жизнь.

Но подѣ этимъ покровомъ тлѣла неугасимо другая жизненная задача греческаго народа, никогда не примирявшася съ турецкимъ владычествомъ. Православіе для грековъ было щитомъ эллинизма, преданій Эллады и Византіи. Мусульманскіе владыки всегда оставались для нихъ узурпаторами. По мѣрѣ одряхлѣнія Турціи крѣпла и развивалась надежда на возрожденіе Греціи на всемъ нѣкогда греческомъ Востокѣ, такъ называемая великогреческая идея, а учрежденіе независимаго греческаго королевства дало этой идеѣ фактическую опору и перенесло центръ эллинской работы изъ церковной столицы Константинопольской патріархіи въ Аѳины, изъ рукъ многоопытнаго фанариотскаго духовенства въ руки новоиспеченныхъ политическихъ агитаторовъ. Отъ церкви, подѣ

сѣбно которой спасалась греческая національность, потребовалось служеніе политическимъ цѣлямъ. Восточные патріархаты, управляемые греческими іерархами, стали опорами великогреческой идеи. На святыхъ мѣстахъ Востока греки смотрятъ не какъ на общее достоиніе православной церкви, но какъ на свою греческую собственность, паравнѣ съ Царѣнономъ. Наоборотъ, все негреческое становилось имъ чуждымъ, и въ такомъ положеніи оказались древле-православные туземцы Св. Земли. Пока турецкое правительство закрывало доступъ въ свои владѣнія иноземнымъ христіанскимъ пропагандистамъ, мѣстное православное населеніе, пренебреженное греческими пастырями, оставалось нетронутымъ. Пошатнувшееся могущество, усиленіе вліянія западныхъ державъ и дѣйствительно бѣдственное положеніе безпризорныхъ православныхъ туземцевъ открыли, начиная съ 20-хъ годовъ, широкій доступъ протестантскимъ и латинскимъ пропагандистамъ въ предѣлы Турецкой имперіи. Благоклонный пріемъ такихъ дѣятелей вызывался также расчетомъ, что эти дѣятели будутъ враждебны грекамъ и покровительницѣ православія — Россіи, при чемъ упустилось изъ вниманія, что успѣхи западной пропаганды никоимъ образомъ не послужатъ во благо мусульманской Турціи, а только создадутъ новые поводы для вмѣшательства Запада во внутреннія дѣла Турціи, какъ это и оказывается.

Западная литература представляетъ видимые результаты семидесятилѣтней западной пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ въ блистательномъ видѣ. Сотни школъ, пріютовъ, облыницъ, даже университетъ значатся въ отчетныхъ ежегодныхъ вѣдомостяхъ латинскихъ орденовъ и протестантскихъ миссій. Нѣтъ такой протестантской секты, которая не претендовала бы на призванія принести свѣтъ своего ученія на древній Востокъ, «погрязшій въ суевѣрїи». Милліоны долларовъ и фунтовъ стерлинговъ и усердная помощь консуловъ единовѣрцамъ явились прочнымъ базисомъ для западной пропаганды и помогали успѣху миссіонеровъ. Мы не можемъ, однако, за недостаткомъ времени и изъ опасенія утомить вниманіе слушателей, позволить себѣ войти въ подробное изложеніе поступательнаго движенія Запада на турецкомъ Востокѣ и должны ог-

раничиться главнѣйшими чертами этого важнаго явленія.

Протестанты начали съ Сири. Такъ какъ дѣйствовать среди мусульманъ нельзя, они обратились къ могущественной сектѣ ансаріевъ и къ евреямъ и потерпѣли полнѣйшую неудачу. Тогда они направили свои усилія на православныхъ и другихъ восточныхъ христіанъ. Но и здѣсь, несмотря на деньги, школы, заступничество передъ властями, мѣстные арабскіе христіане, пренебреженные своими греческими пастырями, сторонятся отъ миссіонеровъ, отвергающихъ поклоненіе Богоматери и святымъ, молитвы за умершихъ, чествованіе св. иконъ, таинства и обряды, которыми искони освѣщается жизнь восточнаго христіанина. Сокращенные становятся предметомъ презрѣнія своихъ соплеменниковъ и обходятся, въ общемъ, очень дорого для миссіонерскихъ обществъ. Тѣмъ не менѣе протестантскія миссіи не унываютъ. Если незначительны ихъ религіозные успѣхи, то заведенныя миссіи и учрежденія становятся опорными пунктами для политическаго вмѣшательства и торговли. Какъ повсюду на земномъ шарѣ протестантская миссія всегда совмѣщается съ торговой англійской и въ послѣднее время нѣмецкой факторіей. Въ сороковыхъ годахъ нѣмецкіе протестанты явились съ новымъ предпріятіемъ. Въ Виртембергѣ зародилась одна изъ безчисленныхъ сектъ, на которыя разсыпается современный протестантизмъ,—храмовники, созидающіе храмъ Божій въ сердцахъ своихъ, задумавшіе обновить человѣческое общежитіе чистыми началами св. писанія и рѣшившіеся въ ожиданіи скорого свѣтопреставленія переселиться въ Палестину. Дѣло, конечно, кончилось основаніемъ трехъ колоній, представляющихъ умильный для нѣмецкихъ туристовъ уголокъ нѣмецкаго отечества, гдѣ можно пить нѣмецкое пиво подъ апельсинными деревьями Палестины, и сходство съ нѣмецкими колоніями, составляющими язву Поволжья и Южной Россіи. Смутное и шаткое вѣроученіе этой секты и національная исключительность ведетъ, конечно, къ соглашенію съ официальнымъ евангельскимъ вѣроисповѣданіемъ и дѣлаетъ эти колоніи примѣромъ для нѣмецкой колонизаціи Палестины и предметомъ политическаго покровительства нѣмецкой дипломатіи. Въ свою очередь,

турецкое правительство разглядѣло, наконецъ, неудобства значительныхъ скопленій такихъ безобидныхъ съ виду строителей храма Божія въ сердцахъ своихъ и не разрѣшаетъ дальнѣйшихъ нѣмецкихъ колоній.

Иначе дѣйствуютъ латиняне. Издавна образовались уніатскія церкви: маронитская, халдейская или сирійская и несторіанская. Римъ принялъ ихъ безъ перемѣны обрядовъ и церковнаго устройства, взявъ на себя только попеченіе о духовномъ образованіи духовенства, для чего въ Римѣ были учреждены учебныя заведенія. Возвращая на родину воспитанниковъ, проникнутыхъ удивленіемъ къ великолѣпному папскому Риму и его порядкамъ, пропаганда, конечно, увѣрена въ томъ, что дальнѣйшее сліяніе уніатскихъ церквей съ латинскою произойдетъ само собою. Для этого же въ Бейрутѣ, ворота Сиріи, были посланы искуснѣйшіе борцы папизма—иезуиты, главнымъ образомъ дѣйствующіе среди маронитовъ. Эти послѣдніе, не признающіе на Ливанѣ другой власти, кромѣ своего патріарха „Антіохіи и всего Востока“, незаметно теряютъ свою церковную самостоятельность. Значеніе соборовъ—падаетъ, власть папскаго легата растетъ; обряды сближаются съ латинскими, іезуитскія церкви дѣлаются модными, сиро-арабскій требникъ, исправленный и переведенный на латинскій языкъ, считается подлиннымъ только на этомъ языкѣ. Многочисленная іерархія уніатскихъ церквей постепенно подчиняется западной даже въ обрядахъ, чему способствуютъ воспитаніе духовенства въ римскихъ учебныхъ заведеніяхъ и многочисленныя латинскія миссіи во всѣхъ главныхъ городахъ Сиріи и Месопотаміи. Православные арабы-мелхиты, яковиты-сирійцы и халдеи-несторіане вступили въ унію съ Римомъ подъ условіемъ сохраненія своего восточнаго обряда. Римъ гарантировалъ неприкосновенность восточнаго церковнаго устройства папскими буллами, но тѣмъ не менѣе уніаты уже убѣдились, что они не пользуются равноправіемъ съ латинянами, а эти послѣдніе открыто заявляютъ, что унія можетъ существовать только въ качествѣ ступени къ полному сліянію съ западной церковью. Въ этихъ видахъ среди уніатскаго населенія учреждаются чисто латинскія миссіи, постепенно перетягивающія высшіе клас-

сы преимущественно въ латинскую церковь. Пока существуетъ восточный обрядъ, симпатіи населенія, по замѣчанію латинскихъ писателей, лежатъ къ восточной церкви, а потому искорененіе восточныхъ особенностей является необходимостью для утверженія напизма. Римская унія вездѣ является съ одними и тѣми же характерными чертами, въ Абиссиніи и въ нашей Западной Россіи, и это подаетъ надежду, что и на Востокѣ она кончитъ тѣмъ же, чѣмъ окончилась у насъ.

Латинизація Сиріи идетъ обманнымъ путемъ уніи; въ Палестинѣ она выступила открыто и достигла блестящихъ результатовъ, благодаря нестройноу греческой церкви. До 1848 года православныхъ въ Палестинѣ числилось около 40.000 душъ, латинянъ не болѣе 3.000 душъ. На іерусалимскій престолъ одинъ за другимъ всходили и низводились патріархи, дѣятельность которыхъ вмѣстѣ съ святогробскимъ братствомъ составляла непрерывную картину соблазна. Это время Пій IX выбралъ для возстановленія латинскаго патріаршества въ Святомъ градѣ и назначилъ патріархомъ энергическаго миссіонера Валергу. Православные туземцы не имѣли ни благоустроенныхъ церквей, ни благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, ни сельскихъ священниковъ надлежащаго качества. Валерга обѣщалъ имъ все это и до нѣкоторой степени исполнилъ обѣщаніе. Въ короткій срокъ 8—10 лѣтъ латинская паства умножилась съ 3-хъ до 13.000 д., а православная уменьшилась до 25.000 душъ. Латинство перекинулось въ Заіорданье, дотолѣ не вѣдавшее о немъ, и тамъ теперь уже почти половина православныхъ перешла въ римскую церковь. Насколько силенъ напоръ латинства, видно изъ того, что въ латинскомъ патріархатѣ, заключающемъ въ себѣ только Палестину и Каирь, патріархъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи болѣе 700 священниковъ, монаховъ и монахинь, тогда какъ въ православной патріархіи, при двойномъ числѣ православныхъ, клиръ состоитъ изъ 9 епископовъ, 100 священниковъ и 100 монаховъ, а изъ этого числа на сельское приходское духовенство приходится менѣе 30 ти священниковъ, греческіе же монахи совершенно чужды мѣстному населенію.

Даже протестанты воспользовались бѣдственнымъ положе-

ніемъ туземцевъ и привлекли въ свою вѣру до 3.000 душъ изъ восточныхъ церквей, преимущественно среди армянъ и на англійскія средства. Политическая агитація въ Арменіи ведется изъ этихъ протестантскихъ общинъ.

Западная пропаганда, конечно, трубитъ о своихъ успѣхахъ. На евхаристическомъ соборѣ нынѣшняго года въ Іерусалимѣ присутствовали представители всѣхъ восточныхъ церквей, соединившихся съ Римомъ. Слава Льву XIII, какъ общему повелителю, — возглашали представители всѣхъ древнихъ славныхъ городовъ Востока, — и подумать можно было, что весь Востокъ вступаетъ въ послушаніе непогрѣшному папѣ и что только бѣдные остатки православныхъ въ Антіохіи и Іерусалимѣ еще сохраняютъ независимость древне-православныхъ восточныхъ церквей. Однако, такое заключеніе было бы ошибочнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже по латинскимъ свѣдѣніямъ, за пышными титулами стоитъ прозелитовъ немного, сравнительно съ оставшимися въ своихъ прежнихъ церквахъ. Изъ общаго числа несторіанъ, живущихъ въ Индіи, Месопотаміи, Персіи, Курдистанѣ (600 т. д.), халдеевъ-уніатовъ не болѣе 32 т. душъ; изъ сирійскихъ яковитовъ (240 т. д.) въ унію перешло только 14.000; изъ яковитовъ-коптовъ (450 т. д.) — всего 3445 д; изъ 7.000.000 абиссинцевъ обратилось въ латинство только 100 душъ; православныхъ мелхитовъ, въ Галилеѣ, всего 11.000. Одни марониты со временъ крестовыхъ походовъ соединились всей массой съ римскою церковью и составляютъ главную опору, порученную іезуитамъ Рима на Востокѣ: ихъ до 274 т. душъ. Насколько шатки римскія цифры, видно изъ того, что изъ общаго числа армянъ (1350 т. д.) латинскіе писатели считаютъ присоединившихся къ римской церкви 8 т., 18 т., 66 и 150 т. душъ за одинъ и тотъ же періодъ времени. По ихъ расчету, всѣхъ уніатовъ на Востокѣ до 500 т. душъ, но эта цифра не сходится съ итогомъ частныхъ слагаемыхъ, а всѣхъ не уніатовъ — до 6½ милл., однихъ абиссинцевъ не менѣе 7.000.000.

Не взирая на это, опасность велика. Пріемы западной пропаганды вносятъ глубокую деморализацію въ остальныхъ. Потрясается народная вѣра въ самомъ основаніи. Раствлѣвается церков-

ность восточной жизни. Западный материализм и безвѣріе вторгаются на Востокъ рука объ руку съ западными лжеученіями. Западъ надвигается всѣми своими силами, но притомъ исключительно съ цѣлью эксплуатаціи Востока въ свою пользу и безъ всякой пользы для него, вѣрный девизу: *vae victis*.

Усиѣхи западной пропаганды совпадаютъ съ эпохой служенія Россіи Священному союзу и особенно, съ періодомъ паденія вліянія Россіи послѣ восточной войны 1853—56 г. Но Востокъ поддался Западу не такъ легко и безповоротно, какъ ожидалось. Онъ только затронутъ пропагандой, но не разстроены. Сравнительно большей опасности подвергались православные, благодаря небреженію и бездѣйствию греческаго духовенства и разрыву его съ народомъ. Тамъ, гдѣ туземная церковь сохраняла органическую цѣлость, усиѣхи латинянъ и протестантовъ были менѣе значительны. Однако опасность сознавалась всѣми. Догматическія различія давно уже потеряли свою первоначальную остроту. Три главныхъ восточныхъ церкви армянская и яковитская, сирійская и копто-абиссинская давно уже уладили недоразумѣнія и вступили въ общеніе, составивъ единую церковь супротивъ таковой же греческой, состоящей изъ трехъ патріархій Іерусалима, Антиохіи и Александріи. Еще въ началѣ пятидесятихъ годовъ коптскій патріархъ пытался войти въ непосредственныя сношенія съ св. синодомъ, но былъ отравленъ. Съ просьбой разсмотрѣть правоту вѣроученія коптскій патріархъ обращался и къ знаменитому архимандриту Порфирію (впослѣдствіи епископу чигиринскому), который, тщательно разсмотрѣвъ вѣроученіе и богослуженіе коптовъ, пришелъ къ заключенію, что „вѣра коптовъ—права“. Сирійскіе яковиты и абиссинцы скромно ждуть, чтобы именно Россія обратила на нихъ вниманіе и вникла въ ихъ положеніе. Старые счеты съ византіяцами смѣнились новѣйшими притязаніями грековъ и эти послѣдніе снова препятствуютъ грекамъ взять на себя церковное примиреніе Востока, нуждающагося въ немъ и готоваго къ нему въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо. Установившееся общеніе между тремя отдѣленными церквами, хранящими общую традицію восточной церкви, было неполнымъ: ему не доставало единовѣрной государствен-

ной силы. Христианизация свѣтскаго общества неминуемо требуетъ государственнаго содѣйствія. Оттого такъ тѣсна связь церкви и государства на Востокѣ. Римскій принципъ отдѣленія церкви отъ государства возникъ не ранѣе VIII вѣка, въ силу ви́шнихъ политическихъ условий, а именно—утраты византийскими императорами владѣній въ сѣверной и средней Италиі. Отдѣленные церкви Сириі и Египта чувствуютъ органическое преимущество православныхъ церквей, имѣющихъ одного сильнаго покровителя въ лицѣ единовѣрнаго русскаго царя и ждутъ призыва отъ русской церкви.

Когда преуспѣвала западная пропаганда, Россія, поддерживая грековъ, думала, что этимъ ограждается православіе. Наше дипломатическое представительство на Востокѣ, наполненное имъцами-протестантами, игнорировало нужды и опасности церкви и было очень недостаточно числомъ, даже въ Иерусалимѣ не было консула. Восточные христіане знали, однако, о Россіи по многочисленнымъ поклонникамъ, приходившимъ ежегодно на мѣсяцы и годы ко святымъ мѣстамъ. По ихъ усердію и несокрушиму терпѣнію заключали о благочестіи далекой сѣверной державы — покровительницы православнаго населенія Турціи. Ранѣе дипломатическаго и церковнаго участія совершалось народное сближеніе, и мало-по-малу истинное положеніе церковныхъ дѣлъ на Востокѣ разъяснилось, восходя изъ глубокихъ слоевъ народной массы въ образованное общество и отъ него къ трону. Цѣлый рядъ путешественниковъ, въ особенности записка В. Н. Хитрово о положеніи православія въ Св. Землѣ, вынудили Россію отрѣшиться отъ слѣпago довѣрія къ святогробской братіи и выступить самостоятельной силой въ Палестинѣ. Къ элементу народности, представлявшемуся въ Палестинѣ нашими поклонниками, присоединилась церковь въ лицѣ русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ, а за ней явилась и государственная власть въ лицѣ русскаго консула, но главной дѣятельной силой оказалось позднѣйшее изъ русскихъ учрежденій въ Св. Землѣ—Императорское православное Палестинское общество. Миссія и консульство имѣли своей задачей духовныя и политическія нужды русскихъ подданныхъ; на Палестинское общество возложено было устройство ихъ матеріальнаго бы-

та, огражденіе ихъ отъ греческой эксплуатаціи и, сверхъ того, общее попеченіе о православіи въ Святой Землѣ.

Быть поклонниковъ въ настоящее время обезпеченъ превосходными учрежденіями, возбуждающими удивленіе западныхъ туристовъ и мѣстныхъ жителей. Но эти заведенія сильно сократили доходъ греческихъ монастырей и духовенства. Отсюда первый поводъ къ неудовольствію грековъ. Когда же общество, не теряя времени, приступило къ устройству училищъ, пансіоновъ, больницъ, обновленію церкви и тѣмъ сразу преградило пропаганду западныхъ ученій въ мѣстахъ, гдѣ появлялись его учрежденія, греки прямо выступили противъ Палестинскаго общества. Они радовались, когда общество было учреждено, рассчитывая, что отъ этого умножатся приношенія Россіи, которыми можно будетъ пользоваться попрежнему, и возмутились, увидавъ, что Россія задумала поддерживать православіе, а не велико-эллиніскія фантазіи и не намѣрена мирволить попрежнему корыстолюбію святогробцевъ. Вслѣдствіе этого вмѣсто союзниковъ Россія встрѣтила въ нихъ явныхъ недоброжелателей и тайныхъ враговъ, болѣе опасныхъ, нежели западные миссіонеры. Такимъ образомъ церковныя и народныя задачи усложнились, и къ борьбѣ за православіе съ Западомъ присоединилась борьба съ греческимъ націонализмомъ. Въ Палестинѣ, какъ на Балтійскомъ поморьѣ, какъ въ Грузіи, въ Западной Руси и на Балканскомъ полуостровѣ, какъ вообще въ теченіи всей своей исторической жизни, Россія явилась защитницей слабыхъ, освободительницей угнетенныхъ, зовущихъ на помощь ея государственную мощь противъ притѣснителей. Православные арабы, угнетенные мусульманами, презираемые греческимъ клиромъ возложили всѣ свои упованія на Палестинское общество и Россію. Но появленіе представителей русской державы въ Палестинѣ ободрило не однихъ православныхъ. Отдѣленные церкви встрѣтили ихъ нескрываемымъ доброжелательствомъ и, насколько было возможно въ ихъ положеніи, выразили немедленно свое почтеніе къ „благовѣрному царю“, о которомъ поминается въ ихъ литургіи, предложивъ ему отъ себя дары, которыми рѣсполагала ихъ бѣдность. Только благодаря дружелюбію коптовъ и абиссин-

цевъ, русскимъ удалось приобрести участокъ земли, лишь одной стѣной отдѣленной отъ храма Гроба Господня, и на этомъ участкѣ найденъ теперь каменный порогъ древнихъ городскихъ воротъ, ближайшихъ къ Голгоѣ, чрезъ который прошелъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ на вольное страданіе и крестную смерть. Достаточно было появленія полнаго органическаго представительства Россіи (народъ, церковь и правительство) въ Иерусалимѣ, чтобы все восточное, раздѣленное христіанство почувствовало въ ней центръ тяготѣнія и опоры. Всѣ знали, что Россія держится того же вѣроисповѣданія, какъ и греки, и однако всѣ вѣрили, что она отнесется къ нимъ съ безпристратіемъ и справедливостью, которой они не нашли у грековъ. Россія явилась въ Палестину въ ореолѣ непобѣдимаго и непримиримаго врага мусульманъ, мечомъ и вѣрою создавшаго себѣ властное положеніе во всемъ мірѣ.

То, что въ теченіе 10 лѣтъ существованія устроило въ Святой Землѣ Палестинское общество, сдѣлано прочно, но сдѣланнаго не достаточно. Протестантскія миссіи, не зирая на всеобщую къ себѣ антипатію, упорно вкладываютъ въ свое дѣло милліоны рублей, собираемые въ богатѣйшихъ странахъ Европы и Америки. Не менѣе двухъ милліоновъ франковъ даетъ на Палестину католическій міръ, и миссіонеры латинства не перестаютъ въ многочисленныхъ своихъ журналахъ взывать къ щедрости набожныхъ жертвователей о помощи. Русское Палестинское общество, на которомъ лежитъ обязанность поддержанія православія, располагаетъ членскими взносами и церковнымъ сборомъ въ Вербное Воскресенье, дающими въ лучший годъ не болѣе 200 р. въ годъ. Этихъ денегъ едва достааетъ для поддержанія и существующихъ учреждений. Младшее по времени, оно является слабѣйшимъ и по матеріальнымъ средствамъ, сравнительно съ западными соперниками. Тѣмъ не менѣе оно сразу дало имъ отпоръ и приостановило ихъ быстрые успѣхи. Очевидно, что не матеріальной силой оно завоевало свое положеніе, но явилось въ надлежащій часъ необходимой силой.

Всеобщее сочувствіе восточныхъ христіанъ къ Русскому государству и нераздѣльной съ нимъ церкви прямо указываетъ на ис-

торическое призваніе Россіи. Она является съ вождедѣльнымъ знаменемъ освобожденія и воссоединенія христіанскихъ народовъ. Это общепризнанное значеніе, пріобрѣтенное цѣной неизмѣримыхъ жертвъ и тяжкаго подвига, идетъ въ разрѣзъ съ притязаніями грековъ на главенствующее положеніе избраннаго народа въ православной церкви. Они не признаютъ, что всѣ народы пользуются одинаковымъ правомъ гражданства въ церкви Христовой. Какъ во всякомъ обществѣ людскомъ есть правители и управляемые, такъ и въ средѣ христіанскихъ народовъ Провидѣніе возлагало тяготу предстоятельства въ разное время на разныхъ народовъ. Первоначальная основа церкви была положена галилейскими апостолами; Сирія, Египетъ, Малая Азія, Африка и европейскія страны въ равной мѣрѣ скрѣпили фундаментъ церкви кровью мучениковъ. Богословское ученіе и каноны церкви выработаны были трудами греческихъ и римскихъ отцовъ церкви, и церковная жизнь укрѣпилась подъ властною охраной восточныхъ императоровъ. Но Римъ отвергъ законное участіе царей въ церковной жизни и впалъ въ заблужденіе папизма, а греки изнемогли въ двойной борьбѣ съ Западомъ и мусульманствомъ. Первенство внѣшняго положенія и внутренняя духовная сила, могущая вмѣстить въ себя вселенскую задачу православія, перешли къ Россіи. Какъ предвидѣли наши предки, Москва стала третьимъ Римомъ. Внѣшнему благоустройству соотвѣтствуетъ и внутренній подъемъ русской церкви. Высокая научная дѣятельность духовныхъ академій не имѣетъ въ настоящее время себѣ равной ни въ одной изъ греческихъ патріархій, а жизненное значеніе церковнаго ученія вызвало совершающееся преобразованіе народныхъ училищъ въ церковномъ духѣ: этотъ фактъ опять-таки не встрѣчаетъ себѣ подобія ни въ одной изъ православныхъ странъ. Все это указываетъ на великій ростъ русской церкви, совершающійся одновременно съ ростомъ государства, и на такую же первенствующую роль ея въ судьбахъ христіанскаго Востока. Теперь не къ эллинскимъ церквамъ, а къ ней обращаются и западные христіане, возмущенные безмѣрными притязаніями папства, и христіане Востока, истомившіеся въ своей изолированности и вождедѣющіе единства восточной церкви.

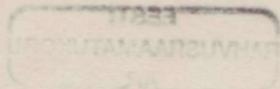
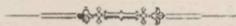
Но полное раскрытіе провиденціального назначенія Россіи, безъ сомнѣнія, совершается не вдругъ, а въ будущемъ, и не мало трудовъ, жертвъ и славы ожидаетъ ее. Въ настоящее время первымъ ея трудомъ должно быть сосредоточеніе силъ нынѣшняго православія, дѣйствующихъ въ Св. Землѣ, другими словами—приведеніе въ порядокъ православной церкви въ Палестинѣ. Православіе подвергается разложенію, благодаря узкому націонализму святогробскихъ грековъ. Они заботятся или о личной наживѣ, или „великой идеѣ“ эллинизма. Въ обоихъ отношеніяхъ главнымъ орудіемъ является Россія и ея богатство. Главный доходъ патриархіи заключается въ бессарабскихъ имѣніяхъ и пожертвованіяхъ. Безъ нихъ, при страшной задолженности, патриархія существовать не можетъ. Эта сторона должна сдѣлаться опорной точкой для преобразованій въ іерусалимской церкви. Естественно, что хозяину имущества должно принадлежать и распоряженіе доходами. Естественно, что нужды іерусалимской церкви, а не одной греческой іерархіи, управляющей ею, должны быть главнымъ предметомъ попеченія Россіи. Греческая національная исключительность устранилась, коль скоро церковные доходы пойдутъ на церковныя нужды, а не на постороннія цѣли. Но для сего слѣдуетъ отрѣшиться отъ традицій, отжившихъ свой вѣкъ, и окончательно сбросить греческія очки, чрезъ которыя мы до сихъ поръ смотрѣли на Востокъ, и съ безпристрастіемъ и любовью взглянуть на забытыя нами христіанскія національности, издавна смиренно и благоговѣнно взирающія издали на Россію. Онѣ требуютъ только справедливости и братскаго снисхожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ прочную почву для возстановленія православнаго Востока и надежный противовѣсъ греческимъ притязаніямъ, грозящимъ даже цѣльности церковной. Съ точки зрѣнія православной совершенно безразлично, грекъ или арабъ получить высокое достоинство іерусалим. патриарха.

Но воля Провидѣнія, непосредственное соприкосновеніе Россіи со всеми восточными церквами совершилось въ средоточіи и у колыбели христіанства, у святѣйшаго Гроба Господня. Не политическіе расчеты, но живая вѣра проложила дорогу русскому народу въ Іерусалимъ и устроила ему тамъ прочное гнѣздо среди

всѣхъ восточныхъ христіанъ. Незримыми узами вѣры и молитвы здѣсь соединяются во едино тѣло всѣ восточные христіане отъ обители пр. Трифона Печенскаго на Ледовитомъ океанѣ, до лавры Фаворской на югѣ тропической Абиссиніи. Отсюда же долженъ выйти призывъ къ единому исповѣданію вѣры и къ соединенію всѣхъ во едино стадо съ единымъ Пастыремъ. Только въ Иерусалимѣ можетъ совершиться возсоединеніе восточной церкви, и только Россія можетъ быть его орудіемъ.

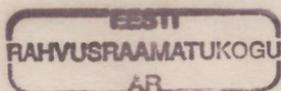
Милостивые Государи!

Правдой Божіей живетъ человѣчество. Правда въ церкви. Церковь едина. Что же препятствуетъ устранить старое зло и обновить исконное единство восточной церкви? Западный папизмъ и чадо его—протестантизмъ. Здѣсь, на непривѣтныхъ берегахъ холоднаго моря, стоя на бдительной стражѣ въ непрерывной всепоглощающей борьбѣ съ западнымъ зломъ, вы, не щадя живота, по завѣту предковъ, участвуете въ разрѣшеніи великой міровой задачи, окончаніе которой совершится подъ синимъ небомъ Святой Земли, у Гроба Господня. Вашъ свято-русскій трудъ составляетъ одинъ изъ эпизодовъ историческаго явленія, извѣстнаго подъ именемъ восточнаго вопроса, и по этому именно я взялъ на себя смѣлость предложить вамъ бесѣду о Святой Землѣ.

Ar 894

Соловьев

138.549 x

30. -

AP 894
Conobbebo